

Мойсинович А. М.

[МИРОВОЙ СУД В РОССИИ НА СТРАНИЦАХ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ 1860-70-Х ГГ.](#)

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2007/7-1/49.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

[Альманах современной науки и образования](#)

Тамбов: Грамота, 2007. № 7 (7): в 2-х ч. Ч. I. С. 121-123. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2007/7-1/

[© Издательство "Грамота"](#)

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

- Маркузе Г. Одномерный человек. – М., 1994.
Маслоу А. Г. Мотивация и личность. – СПб., 1999.
Моль А. Социодинамика культуры. – М., 1973.
Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс // Вопросы философии. – 1989. – № 3-4.
Реклама: культурный контекст / Общая редакция Э.А. Гринберг, М.В. Петрушко. – М., 2004.
Ученова В. В. Философия рекламы. – М., 2003.
Федотова Л. Н. Реклама в социальном пространстве: социологические эссе. – М., 1996.
Фромм Э. Иметь или быть. – М., 2000.
Хейзинга Й. Homo ludens. – М., 1992.
Boorstin D. J. Advertising and American Civilization // Advertising and Society. – N.Y., 1974.
Featherstone M. Lifestyle and Consumer Culture // Theory, Culture And Society. 1987.
Klein N. No logo. – London, 2005.

МИРОВОЙ СУД В РОССИИ НА СТРАНИЦАХ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ 1860-70-х гг.

Мойсинович А. М.

Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова

Впервые мировые суды были созданы в Англии в XIV веке для охраны общественного спокойствия мира. В России мировые суды были учреждены в ходе судебной реформы 1864 г. Мировой судья, по мнению составителей Судебных уставов, должен был избираться из местных жителей, как лицо, хорошо знающее свой округ, заинтересованное в поддержании общего порядка и спокойствия.

В соответствии с Учреждением судебных установлений повсеместно следовало образовать мировые суды, которые действовали бы на территории судебных участков. Так, каждый уезд, с находящимися в нем городами, составлял мировой округ, а округ делился на мировые участки. В каждом участке учреждался мировой судья, получивший название участкового. Кроме участковых мировых судей были созданы и почетные мировые судьи, которые не получали жалованья. Они должны были помогать участковым мировым судьям, а в случае их отсутствия имели право, но не обязанность, разбирать все дела, подлежащие ведению мировых судов.

В основу организации мирового суда был положен принцип выборности. Мировые судьи избирались на три года уездными земскими собраниями, за исключением Москвы и С-Петербурга, где выборы судей были возложены на городские думы. В мировые судьи могли быть избраны лица не моложе 25 лет, не состоявшие под судом или следствием, имевшие свидетельство об окончании высшего или среднего учебного заведения. Могли избираться и те, кто прослужил не менее трех лет в таких должностях, при которых они могли приобрести практические сведения в производстве судебных дел, если при этом они обладали требуемым имущественным цензом.

Первые попытки проанализировать работу мировых судов были предприняты в конце 1860-начале 1870-х гг. Особенностью многих работ является то, что их авторы так или иначе были связаны с мировыми учреждениями: кто-то был участковым мировым судьей, кто-то почетным, поэтому и замечания, которые они делали, и недостатки, на которые они обращали внимание, были взяты из их практической деятельности. В обществе активно обсуждались такие проблемы, как сомнительная гласность судопроизводства мирового суда, противоречие между законодательным и обычным правом, образовательный и имущественный цензы, корпоративность мировых судов и многое другое.

Ряд наиболее важных проблем был поставлен в работе барона Н.А. Корфа [Корф 1869-1870]. Следует остановиться на личности самого барона, известного общественного деятеля. Получив юридическое образование в Александровском лицее, он поступил на службу в департамент министерства юстиции. Прослужив там некоторое время, он оставил службу и поселился в своем имении. Общественная деятельность Н.А. Корфа началась с введением земских учреждений: он был уездным гласным Александровского уезда Екатеринбургской губернии, почетным мировым судьей, а затем и председателем мирового съезда.

Так, рассматривая вопрос о гласности, дарованной судебной реформой 1864 г., Н.А. Корф отмечал, что гласность судопроизводства мирового суда в провинции весьма сомнительна. Это выражалось, по его мнению, в следующем: в своей камере мировой судья был царем и господином, который решал все вопросы единолично, никем не контролируемый, кроме мирового съезда. Автор считал, что необходима большая гласность, а именно проверка деятельности мирового судьи обществом. Между тем, по словам Н.А. Корфа, в периодической печати не затрагивается деятельность провинциальных мировых судей, нет критической оценки их деятельности, присутствуют лишь скандалы, которые своей «своеобразностью» нарушают тишь и гладь провинциальной жизни.

В обществе был поднят вопрос о корпоративности мировых судов и эффективности контроля за их деятельностью. Н.А. Корф считал, что мировой суд может превратиться в съезд товарищей судьи, призванных прикрыть ошибки своего коллеги, даже в ущерб истине, так как они принадлежат к одной корпорации [Корф 1869: 915-916]. Об этом говорил и А.А. Головачев, который отмечал взаимный контроль и снисходительность к ошибкам и упущениям друг друга [Головачев 1872: 331].

Одной из главных проблем мирового суда многие в обществе видели в противоречии обычного и законодательного права. На первом месте у обычного права находились традиции и коллектив, где нормы права тесно переплетены с религией и моралью. Обычное право нигде не было зафиксировано, и потому наличие его норм было очень трудно доказать. Законодательное право, в отличие от обычного, являлось результатом целенаправленного правотворчества, в котором юридические нормы были закреплены официальным путем, носили всеобщий характер и были доведены до общества с помощью опубликования. Таким образом, мировой судья очень часто оказывался перед дилеммой – решать по совести (по обычному праву) или по закону (законодательному праву). Например, дела, связанные с воровством, были не соразмерны по мере наказания у мирового и волостного судов. Если крестьянин украл индейку у мещанина, то его дело переходило в ведомство мирового суда как бессловного, который должен был отправить крестьянина в острог на три месяца, а если он украл корову у крестьянина, то ему по приговору волостного суда полагалось лишение свободы всего на 7 дней. Большие трудности в мировом суде были связаны с решением дел о неуплате долгов. Крестьяне, привыкшие заключать договоры устным соглашением при свидетелях, были не готовы к тому, что в мировом суде требовалось предоставить письменные доказательства такого рода договора. В массе своей неграмотные, они не могли понять, почему свидетельские показания не могут служить гарантией его прав, ведь в деревне устной клятвы, данной при свидетелях, было достаточно для подтверждения договоренностей. И таких ситуаций в практике мирового судьи, к сожалению, было много.

Таким образом, приговоры, выносимые мировым судом, казались крестьянам слишком суровыми, а часто несправедливыми. Мировой суд, созданный для народа как возможность скорого и справедливого разрешения проблем, постоянно возникающих в основном в крестьянской среде, оказался не способен их решать и потому терял авторитет. О том, что проблема эта была болезненной, говорит также то, что о ней в обществе говорили и 20 лет спустя, когда встал вопрос о пересмотре Судебных уставов в комиссии под руководством министра юстиции Н.В. Муравьева.

По Судебным уставам 1864 г. от мировых судей требовалось два условия – образование и материальная независимость. Образовательный ценз был ограничен получением среднего образования, считалось, что специальное юридическое в данном случае не обязательно, так как для мирового судьи было достаточно здравого смысла, жизненного опыта и честности [Березин 1883]. Противником этой точки зрения был известный общественный деятель А.А. Головачев, который считал, что мировому судье необходимо обязательное юридическое образование и явно недостаточно лишь доверия и уважения общества. Он объяснял свою точку зрения тем, что только юридические знания дают возможность решения, например таких вопросов, как подсудность, границы апелляции и кассации, которые нередко встречаются в практике мировых съездов [Головачев 1872: 327].

Рассматривая имущественный ценз, А.А. Головачев отметил тенденцию, что значительный контингент кандидатов на должностях участковых мировых судей составляют лица, нуждающиеся в материальных средствах. Только эта нужда в большинстве случаев и заставляет их принимать на себя трудные обязанности участкового судьи. В то же время состоятельные лица предпочитали или вовсе не баллотироваться, или идти на должность почетных мировых судей. В связи с этим он отмечал, что гарантией самостоятельности и добросовестности кандидатов на выборные должности следовало бы считать не наличие недвижимой собственности человека, а то уважение и доверие, которые имеют к нему его избиратели. В его исследовании содержится также тезис о том, что при современных экономических условиях ряд профессий в материальном плане обеспечивает человека гораздо больше, чем недвижимость [Там же: 335]. В связи с этим А.А. Головачев предложил убрать имущественный ценз как условие избираемости судей, так как это может «парализовать выборное начало и устранить от выборов способных и достойных людей» [Там же: 336].

Без сомнения, в обществе видели и осознавали проблемы, возникшие в ходе практической реализации института мировых судов. Однако, если либералы стремились к решению этих недостатков путем обсуждения на страницах печати и совершенствованию мировых судов, то консерваторы, наоборот, делали вывод о необходимости его упразднения.

Правительство вынуждено было реагировать на подобного рода критические замечания и однозначно приняло сторону консерваторов. Законом 12 июня 1889 г. мировые суды были упразднены, а их функции отошли к земским начальникам – крупным чиновникам, служившим по линии министерства внутренних дел. Несмотря на это обстоятельство, в общественных кругах несомненно отдавали должное мировому суду. Для одних важным являлось то, что он открыл свои двери для крестьянина, для других то, что он непосредственно соприкасался с народной жизнью, и воздействовал на нее тремя факторами - юридическим, воспитательным и экономическим [Обнинский 1896: 94]. Мировые суды были проводниками законности в жизни, через их посредство население усваивало правовые понятия, то обращаясь к ним за судебной помощью, то наблюдая их деятельность. Неудивительно, что общество сумело вернуть мировые суды спустя 20 лет после их упразднения в 1912 г.

Список литературы

- Березин В.** Мировой суд. Несколько слов о необходимости некоторых изменений в законах о земских и мировых учреждениях. - СПб., 1883.
Головачев А. А. Мировые судебные учреждения // Головачев А.А. Десять лет реформ. - СПб., 1872.

Корф Н. А. Мировой суд в провинции. Письмо в редакцию // Вестник Европы. 1869. - Кн. 10. - С. 913-922.
Корф Н. А. Мировой суд в провинции. Письмо в редакцию // Вестник Европы. 1870. - Кн. 1. - С. 374-387.
Обнинский П. Н. Местная юстиция и общие суды // Русская мысль. 1896. - № 12. - С. 94.

К ВОПРОСУ О ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ГОСУДАРСТВА ПЕРЕД ЛИЧНОСТЬЮ В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИИ ПРАВОВЫХ УЧЕНИЙ

Музыкалкина Ю. А.

ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права»

За время политико-правовых реформ в России во многих сферах общественной жизни значительно увеличилось число сопутствующих процессам преобразования социальных отклонений, имеющих различные причины. Например, одним из оснований, приведших к кризису правосознания, стало неверие граждан в эффективность института юридической ответственности государственной власти. Поэтому не случайно, что на современном этапе в различных отраслях юридического знания возрастает интерес к проблеме юридической ответственности государства перед личностью.

Не является исключением и история учений о государстве и праве, которая призвана обращаться к злободневным вопросам современной правовой теории и практики, анализируя опыт прошлого. Практика повседневного государственно-правового строительства ставит перед историко-правовой наукой ряд важнейших задач, среди которых не только оценка идей прошлого, но и разработка на их базе возможных практических решений по гармонизации и повышению эффективности правового регулирования, как в настоящем, так и будущем.

Подобное возможно лишь при существующей объективной потребности в рассмотрении государственно-правовых взглядов прошлого. И сегодня такая необходимость есть, поскольку на современном этапе институт юридической ответственности государства перед личностью работает не в полной мере, а в некоторых областях столкновения интересов личности и государства вообще не находит своего применения.

Обращаясь к работам мыслителей различных эпох, мы можем с уверенностью сказать, что каждый этап развития государственно-правовых институтов сопровождался растущим интересом к проблеме взаимоотношений государства и личности. Чем совершеннее становился механизм государства, тем злободневнее звучал вопрос: должна ли власть отвечать за свои поступки и принятые решения?

Правовая мысль в своем поступательном развитии всегда следовала за происходящими в государственной жизни переменами, а зачастую и предвещала их. Поэтому истоки размышлений о том, что государство может быть ответственно перед личностью, можно найти уже в трудах древних мыслителей.

Влияние античной мысли на момент возникновения идеи ответственности государства неоднозначно. С одной стороны, особое отношение к сущности государства, к месту личности в его пространстве, вера в непогрешимость целей создания государственного союза и в избранность должностных лиц, тормозило возникновение каких-либо теоретических предположений о возможной ответственности государства. С другой, начиная с этого периода, в науку привносится понятие, характеризующие должное взаимоотношение государства и личности. Таковым является: «справедливость». Подобные рассуждения мы встречаем, прежде всего, в работах Аристотеля.

Обращает на себя внимание понимание справедливости, как необходимой составляющей при достижении общего блага и безопасности и государства, и гражданина. Идеи наилучшей формы правления соответствует идея справедливости, а разделению властей – подчинения всех государственных институтов праву.

В период античности уже четко была сформулирована мысль о том, что должно быть ограничение полномочий отдельных должностных лиц, закрепленное в законе. Особая роль в этом вопросе принадлежит правовой мысли Рима, в частности Цицерону.

Через институт представительства юридического лица, коем уже в Древнем Риме признавалось государство, в период Нового времени правовая наука пришла к пониманию ответственности государства как ответственности его должностных лиц, что определяется в законе.

Опираясь на размышления античных философов, к выводам по интересующему нас вопросу, отвечающим реалиям своей эпохи пришли мыслители Средневековья.

Политико-правовая мысль эпохи Средневековья, в попытках найти истину в борьбе светских и духовных властей, дала начало процессу научного оформления различных правовых категорий, без которых формирование принципа юридической ответственности государства было не возможно. Юристами и правоведами этого периода была проведена колоссальная работа в области юридической техники, основ толкования законов, особенностей применения отдельных норм права, механизма действия тех или иных институтов государства. Противоборство церкви и государства подтолкнуло законодателя к четкому определению полномочий и компетенций государственной власти в борьбе за сферы влияния в обществе в целом и на конкретную личность в частности. Об этом мы можем найти подтверждение в работах П. Абеляра и М. Падуаанского.